

Ефим Вихрев

Дыня

Ефим Вихрев

ДЫНЯ

«Public Domain»

1931

Вихрев Е. Ф.

Дыня / Е. Ф. Вихрев — «Public Domain», 1931

«Тихая пристань ночлега. Паркет непривычен запыленным ногам. Комната не лишена уюта, она вполне вместит трех человек...»

Ефим Вихрев

Дыня

Макару Пасынку

Тихая пристань ночлега.

Паркет непривычен запыленным ногам.

Комната не лишена уюта, она вполне вместит трех человек.

За окном – багряное страданье заката: его бороздят черные молнии летучих мышей. В непроглядном далеке, за гранью всех вероятий, степь возмечтала о небе. И горы слились с облаками. Нетопыри царапают их косыми крыльями.

Кубанский вечер не долгов. Его почти нет. Летучие мыши исчертили весь горизонт. Они безжалостно гасят закат. Они уже сравняли небо со степью, перемешали высоты с низинами. Скоро весь мир будет черным.

Летучие мыши влетят к нам в комнату, погасят лампу, наполнят невещественной чернотой каждый предмет. Они и нас превратят в мрак.

Может быть, лучше не спать?

Кем они оборотятся – эти маленькие крылатые демоны ночи, когда мы уснем?

– Дядя Миша! Кондратенко! Нам не нужно тушить лампу на случай тревоги...

Рыжие усы чекиста приготовились к полету, как краснокрылая птица. Он строит глазами мыслительные параболы. Кондратенко замечательно умеет заводить глаза, выражая этим то удивление, то настороженность. Вот он смотрит на дверь, на окно и на стены, – он трогает вещи.

«Изучает обстановку», – думаю я.

– Дядя Миша, может быть, мы не будем спать?

Нетопыринные молнии плетут в моих глазах кружево из черных зигзагов. Нетопыринные молнии погубят землю. Зачем я живу – молодой, бодрый, стремящийся? Может быть, завтра останутся от меня только портфель да наган, чем я сегодня гордился.

Летучая мышь кувыркается в воздухе, как брошенный в темноту револьвер.

– Дядя Миша, будем ли мы спать?

– Будем, будем, – говорит Кондратенко. – Давайте укладываться. Последняя папироса у меня, чорт возьми... А ты не дрожи, товарищ Рабземлес. – Кондратенко устремляет в предрабочком концы рыжих усов и пару голубых глаз. – Ты, может, иззяб? На вот тебе мой пиджак...

Предрабочком бормочет, сидя на полу с опущенной головой:

– Жинка! Горе мое! Смерть моя! Я хочу, чтобы они сегодня пришли. Выйдут пули – грызть зубами буду, душить буду. Я хочу, чтобы они пришли...

Отчаяние бросает предрабочкома то в сумасшедший страх, то в неистовое геройство.

Нетопыринные молнии безгромно раскалывают пространство. Они обжигают меня черным огнем жути и недобрых предчувствий. Они скоро взорвут нашу бедную комнату, единственную во вселенной.

– Дядя Миша, – говорю я, – на всякий случай не будем тушить лампу...

Кондратенко стоит передо мной, статный и улыбочивый. В зубах у него папироска, и от огонька ее идут в разные стороны два красноватых луча – усы.

– Какой же ты, брат, умный! – говорит он. – Брось эти штучки! Нужно сейчас же потушить свет, нужно опустить жалюзи, закрыть ставни и плотно завесить окна, да так, чтобы – ни одной щели. Нужно предусмотреть каждую мелочь. В случае тревоги не зажигайте ни спичек, ни лампы. Если они будут ломиться ночью, мы будем в темноте. И нам, невидимым из своей темноты, легче будет целиться на огонь.

Кондратенко меряет усами стены и пол, снимает с себя португею и кладет на подушку.

– Ну, ребята, давайте укладываться. К нам не так-то легко проникнуть. Пока они будут ломиться в двери первого этажа, мы успеем приготовиться к бою. Где они достанут столько ключей от всех коридоров и дверей, какие ведут в нашу комнату? Да и откуда узнают они, что мы именно сегодня приехали в совхоз и поместились в самой далекой комнате? Дверь я запираю на ключ. Наганы кладем под подушки. Ручную гранату я положу на стол, около себя, и пушу в дело, когда уже не будет никакой надежды. Не устраивайте паники и не стреляйте раньше времени...

Наискосок, по оконным диагоналям, вразрез – из небытия в никуда, из вечности в вечность – безгромно прыгают ломаные молнии мрака.

За окном – тяжелая синева.

Душная кубанская ночь, не боясь лампы, врывается в комнату. Мы выталкиваем ее внутренними ставнями наружу. Но это бесполезно: микробы ночи заразили комнату мраком: он гнездится в углах, таится под стульями, он берет ламповый свет в теневое карре. Впервые я постигаю совершенно бесспорную истину: стоит потушить лампу – и в комнате станет темно.

Предрабочком торопливо исполняет распоряжения Кондратенки. Байковое одеяло повисает на окне пеленой отчужденности и неуязвимости; я верю в это одеяло – его не прошибут ни пули, ни снаряды. Кондратенко запирает дверь, оставляет ключ в скважине и вешает на него свою гимнастерку.

Предрабочком нежно твердит женское имя. Он сойдет с ума в эту ночь.

Наконец приготовления кончены.

Кондратенко тушит лампу усами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.